

Плейлист для атмосферы

- «*Beggin'*» — Frankie Valli & The Four Seasons
- «*Tu Vuò Fà L'americano*» — Renato Carosone
- «*Marina*» — Rocco Granata
- «*Bring It On Home to Me*» — Sam Cooke
- «*I Say a Little Prayer*» — Aretha Franklin
- «*Suspicious Minds*» — Elvis Presley
- «*It's a Shame*» — The Spinners
- «*Oye Como Va*» — Santana
- «*I Love to Love*» — Tina Charles
- «*Ain't No Sunshine*» — Bill Withers
- «*Midnight Train to Georgia*» — Gladys Knight & the Pips
- «*When Will I See You Again*» — The Three Degrees
- «*Don't Leave Me This Way*» — Thelma Houston
- «*Love Really Hurts Without You*» — Billy Ocean
- «*How Deep Is Your Love*» — Bee Gees
- «*Copacabana (At the Copa)*» — Barry Manilow
- «*Wuthering Heights*» — Kate Bush
- «*Heart of Glass*» — Blondie
- «*No More Tears (Enough Is Enough)*» — Barbra Streisand & Donna Summer
- «*Save a Prayer*» — Duran Duran
- «*Islands in the Stream*» — Dolly Parton & Kenny Rogers
- «*Total Eclipse of the Heart*» — Bonnie Tyler

АНА МАЙЯ. ШАГИ МЕЖДУ НАМИ

«*California Dreamin'*» — The Beach Boys

«*Kiss*» — Prince

«*The Edge of Heaven*» — Wham!

«*Smooth Criminal*» — Michael Jackson

«*No Ordinary Love*» — Sade

«*Black Eyed Boy*» — Texas

«*La Camisa Negra*» — Juanes

«*Lovers In a Past Life*» (Acoustic) — Calvin Harris
& Rag'n'Bone Man

«*Beggin'*» — Måneskin

A JPBP. Nuestras vidas no podrían ser más diferentes ni estar más alejadas, y sin embargo pienso en ti cada instante de cada día, y me pregunto cuántos pasos hay entre nosotros.

Посвящается ХПБП. Наши жизни не могли бы быть более разными и далекими друг от друга, и все-таки я ежеминутно думаю о тебе и задаюсь вопросом: сколько же шагов нас разделяет?

У денег есть одна особенность: они имеют вес. Если пятьдесят тысяч стодолларовыми купюрами тянут на полкило, значит полмиллиона добавят к багажу около пяти килограммов. Я помедлила, чтобы прикинуть, сколько еще пачек могу положить в чемодан.

С экрана донесся голос Кэтрин Хепбёрн: «Мне начинает казаться, что со мной определено что-то не так». Я чувствовала то же самое — с той лишь разницей, что мои ощущения не были ни заблуждением, ни преувеличением.

В последний июньский день 2005 года по телевизору шел фильм «Дверь на сцену», комедийная драма тридцатых годов о независимых и остроумных женщинах. Слушать их диалоги я могла бесконечно. Мне даже не нужно было смотреть на экран: каждое движение персонажей я знала наизусть. Полупрозрачные шелковые занавески аметистового цвета колыхались от ветра, врывавшегося через открытые французские окна. Воздух снаружи был свежим, пропитанным запахом зелени и ароматом ландышей.

Моя комната находилась на верхнем этаже. Дом стоял на острове посреди реки в одной из стран Юго-Восточной Европы, которая за последний век столько раз меняла границы и название, что в итоге ее имя утратило всякий смысл. Точно так же, как ее жители потеряли свою национальную идентичность. Точно так же, как уровень безумия во всем мире повысился на октаву.

Через два часа ожидался очередной полицейский рейд, и к его началу чемодан с деньгами должен был исчезнуть. Информацией поделился один из наших осведомителей, работающий в полиции.

Даже у большого загородного дома, подобия современной крепости с вооруженной охраной и камерами наблюдения, есть дверь, которая открывается при определенных обстоятельствах. Наш дом и был такой крепостью, скрытой за бесконечной зеленой стеной из ив и болотных кипарисов, растущих вдоль берега.

Дом и остров окрестили Саличе — «ива» по-итальянски. Эксперт по флоре, который обследовал почву и растительность перед покупкой земли, называл деревья по-латыни — *Salice nero* и *Salice bianco*, — так имя и прижилось. Еще остров прозвали Призрачным, потому что зимой, когда над водой поднимался густой туман, с речных берегов его было не разглядеть.

Балисто первым почувствовал их приближение. Его заостренные уши уловили шум за

несколько минут до того, как открылись тяжелые стальные ворота.

Сначала слышался гул, затем появилась техника: легковые автомобили, фургоны, сирены, мегафоны, даже вертолет. Его огромные лопасти поднимали в воздух пыль и гравий вместе с травой. Вскоре из машин высыпали люди в форме. Они двигались слаженно, словно танцоры мюзикла на сцене театра в Вест-Энде. Со временем мы научились различать их по цвету экипировки: тускло-синий — у обычных подразделений, темно-серый — у спецназа, черный — у тайной полиции, а люди в безупречно-белых мундирах с медалями на груди, самые медлительные болваны, чаще всего приезжали последними в роскошных лимузинах. Мы также освоили искусство не обращать внимания на показательные выступления правоохранителей — участников одной и той же маршонеточной постановки.

Я могла бы оставаться в доме или даже ходить за ними следом, ведь обыск был лишен всякого смысла. Они лишь топали грязными ботинками по нашим паркетным полам, трогали и открывали все, у чего имелась ручка, совали нос в выдвижные ящики, шкафы, гардеробы... щупали, рылись, делали вид, что ищут, а на деле просто раскидывали наши вещи. Их цель состояла в том, чтобы показать, кто стоит за этой фиктивной операцией, оставив свой фирменный след — хаос и беспорядок.

В просторном холле наш адвокат рассматривал ордер на обыск, который уже видел нака-

нуне, старательно изображая удивление и выдвигая формальные возражения от имени клиента. Его голос разносился по всем уголкам огромного дома. Еще одна марионетка, но хотя бы у нас на зарплате. Вся обслуга пребывала в состоянии полной готовности. Не потому, что нам грозила опасность, а потому, что произойти могло все что угодно.

Я стояла на верху лестницы, наблюдая за суматохой внизу. Если бы кто-нибудь поднял голову, то увидел бы молодую женщину чуть за тридцать с книгой и портсигаром в руках, во всех отношениях заурядную и ничем не примечательную. Я не отличалась ни ангельской, ни дьявольской красотой — так, серединка на половинку. Во мне не было ничего выдающегося или сногшибательного, за исключением резкого контраста между бледной кожей, пепельно-русыми волосами и неизменно черной одеждой: черный верх и черные капри с короткими разрезами по бокам. Одежду я предпочитала простую, неброскую. В черном я чувствовала себя окутанной тьмой, скрытой от мира.

Я спустилась, раздумывая, куда бы пойти почитать. Перед этим выглянула в сад — мой маленький сын Чарли, который едва научился ходить, играл за домом среди цветов под присмотром няни.

Балисто теперь сидел у входной двери, наклоняя четко очерченную голову то в одну, то в другую сторону, словно пересчитывая всех,

кто топтался на лужайке перед домом. Эту немецкую овчарку с золотисто-рыжей мордой, мощной челюстью и черным «седлом» на спине, от шеи до хвоста, называли в честь шоколадного батончика. Вскоре ему наскучила суета, и он улегся на пол, недовольно фыркнув и опустив голову на холодный мрамор. Он был породистым псом, обученным охранять меня, но со временем потерял интерес ко всему, кроме погони за белками и птицами, перекусов и нашей любимой игры в прятки.

— *Mitkommen*¹, — скомандовала я и похлопала по левой ноге, направляясь к выходу.

Сначала я хотела пройтись, но потом передумала и села на качели. Они были подвешены к толстой ветке старого дуба, на котором мы когда-то построили маленький домик. Люди туда почти не заглядывали — только жуки и пауки жили там бок о бок.

Балисто последовал за мной и устроился в густой тени дерева, спасаясь от солнца. Ветер налетал волнами: то едва ощутимый, то порывистый, он шелестел листвой и срывал лепестки с вишневых деревьев. Я сняла лазурные балетки из крокодиловой кожи, отбросила их в сторону, поставила на качели одну ногу и другой оттолкнулась от земли. В этот момент я увидела, как по гравийной дороге подъехала еще одна машина — старый «мерседес-бенц» S-класса, огромный, как танк. Ужасным был не только его цвет — самый уродливый оттенок

¹ За мной (нем.). — Примеч. перев.

коричневого, что я когда-либо видела, точь-в-точь подгоревший халапеньо, но и дизельный двигатель, который громко тарахтел в такт вертолету у нас над головой, а временами даже заглушал его. Балисто прикрыл морду широкой лапой и нервно заморгал. Его раздражал шум. Вертолет поднялся выше, уходя на новый круг над островом, будто и сам был потрясен ревом автомобильного мотора.

Машина затормозила. Водитель, по-видимому, решал, где припарковаться, но, не найдя свободного места, так и остался стоять, перекрыв выезд к воротам. Когда рычавший двигатель наконец-то заглох, я ощутила облегчение. Дверь открылась, и из машины вышел высокий мужчина — не в форме, а в джинсах и оливковом бронежилете поверх желтой футболки. Неужто всерьез думал, что в него будут стрелять?

Когда основной бизнес твоей семьи связан с преступной деятельностью, есть лишь две вещи опаснее тюрьмы или смерти. Первая — стать жертвой похищения. Вторая — быть застигнутым врасплох. Это означало, что либо нам не хватает осведомителей, либо те, кому мы платим, плохо справляются с работой. Единственная причина, по которой этот незнакомец мог оказаться здесь, — кто-то из семьи дал добро на его визит.

Обычно я ленюсь анализировать свои первые впечатления и откладываю это занятие на конец дня. И все же что-то в мужчине сразу привлекло мое внимание. Он казался чужим,

будто случайно забрел в наши владения прямиком со съемочной площадки дешевого криминального сериала в поисках режиссерских указаний.

У него был слегка неухоженный вид, который совершенно не вписывался в окружающую обстановку. Словно он только что встал с постели. Я прищурилась, чтобы лучше его рассмотреть. Волосы темно-каштановые, коротко подстриженные, но растрепанные; усы на удивление аккуратные, в резком контрасте с небрежной щетиной. Образ дополняли зеркальные солнцезащитные очки в толстой золоченой оправе — прямо вишенка на торте. Незнакомец вытащил из машины коричневую кожаную куртку, перекинул через плечо, окинул взглядом окрестности, заметил меня и направился в сторону качелей. Присутствие полицейских его явно не волновало: он спокойно прошел мимо, будто их не было вовсе.

Балисто приподнял голову с травы — сработал инстинкт, но уже через пару секунд он решил, что незнакомец не представляет угрозы. Скоропалительный вывод с его стороны. Вероятно, Балисто просто не учуял съестного и заключил, что суетиться не стоит.

Чем ближе подходил гость, тем быстрее мое сердце билось от любопытства. Я точно знала, что никогда не встречала этого мужчину, и все же ощущение, будто я его знаю, было слишком сильным, чтобы сбросить его со счетов, даже если с точки зрения логики это было невозможно.

АНА МАЙЯ. ШАГИ МЕЖДУ НАМИ

Я чувствовала его взгляд, проникавший сквозь зеркальные стекла очков. С качелей я не сошла: интуиция подсказывала мне то же, что и Балисто, — никакой опасности нет. Незнакомец подошел, улыбнулся и снял очки. У него были густые брови и резко очерченный орлиный нос. На солнце его радужки словно слились со зрачками, и темно-карие, почти черные глаза завораживали, не давая отвести взгляд. Я и не пыталась. Так смотрит котенок, загипнотизированный смятым бумажным шариком на веревочке, который болтается у него перед носом.

Спустя десять лет, когда его начали выстав-
лять перед камерами и прессой — в дорогих
костюмах из шерсти и шелка от «Бриони»,
в туфлях «Арчи» с Джермин-стрит в Лондоне,
с зачесанными назад волосами, гладко выбри-
тым подбородком, аккуратно подстриженны-
ми и уложенными усами, в массивных очках
с черной квадратной оправой, — он выглядел
как холеный самовлюбленный тип. Но в нашу
первую встречу производил куда более прият-
ное впечатление.

Он спросил, говорю ли я по-английски, и я кивнула.

— Вы здесь живете?

Голос у него был прекрасный: негромкий, глубокий, хрипловатый, с бархатистыми нотками. В его речи я уловила смесь разных акцентов: преобладал американский английский, в котором слышались отголоски испанского. Я снова кивнула в надежде, что он скажет что-нибудь еще.

— Я заметил, что вы на меня смотрели, — сказал он, будто оправдываясь за то, что подошел.

Я нарочито не обращала на незнакомца внимания, и он продолжил:

— Я здесь впервые. Потратил кучу времени, чтобы найти это место, а оно, оказывается, такое огромное, что не заметить нельзя, ну, вы понимаете. Вы сами отсюда?

Гость завершил свой вопрос широкой дерзкой улыбкой. Он с интересом и осторожностью взглянул на задремавшего Балисто, размышляя, стоит ли его погладить.

Одной из моих привычек, не раз действовавшей людям на нервы, была манера задавать встречный вопрос и уводить разговор от любых личных или откровенных тем, если я не знала, что сказать.

— Кого вы ищете? — осведомилась я с деланным безразличием.

Он приподнял брови, услышав мой беглый английский, и на мгновение засомневался, не занесло ли меня сюда тем же поездом, что и его.

— Босса, наверное. — Мужчина вытащил из кармана джинсов небольшой желтый листок и перевернул его так, чтобы я увидела имя. — Максимилиан Молер. Знаете его?

Я указала на парадную дверь и посоветовала обратиться к лысому адвокату в темно-синем костюме — тот поможет найти нужного человека.

— И зовут его Макс, — добавила я.

Однако гость не ушел и просто стоял рядом, словно хотел составить мне компанию, раздумывая, что бы еще сказать.

— Как вам машина? — Он кивнул в сторону коричневого монстра.

Меня растрогала простота его вопроса. Незнакомец пытался удержать разговор на плаву.

— Можно ответить честно? — уточнила я.

Он рассмеялся, и в уголках глаз появились тонкие лучики морщин — едва заметные следы «гусиных лапок».

— Редко встречаются красивые женщины, которые ценят честность. Валяйте, я выдержу.

Гость снова улыбнулся, и на его щеках проступили ямочки. Мое лицо обдало жаром.

— Звук у нее впечатляющий, — солгала я, раскачиваясь на качелях.

Балисто замахал пушистым хвостом из стороны в сторону, подметая землю: мол, хватит болтать чепуху, дайте поспать.

— На самом деле это не моя машина, я ее одолжил. Вместе с грохотом, который она издает...

Он порылся во внутренних карманах куртки, нашел красную пачку «Мальборо» и протянул мне сигарету. Я покачала головой — чужих сигарет никогда не брала. Мужчина указал на маленькую черную коробочку, лежащую на земле поверх книги и портсигара.

— Это зажигалка? Можно воспользоваться?

Это действительно была моя зажигалка, винтажная, в стиле ар-деко, покрытая черной эмалью и украшенная бриллиантами, — изделие парижского салона «Картье». Единственная ценная вещь, которую я всегда носила с собой. Я кивнула. Он присел, взял зажигалку и прочитал английское название книги. Возможно, узнал его, но ничего не сказал.

— А что значит буква «А»? — спросил он, увидев гравировку на зажигалке.

— Первая буква моего имени.

На этом пора было остановить качели и вернуться в дом. Я забрала зажигалку из его рук, оставила книгу, портсигар и туфли и ушла, не оборачиваясь, лишив его возможности задать

новый вопрос или как-то иначе продолжить беседу. Назвать ему свое имя значило проявить излишнюю и преждевременную откровенность. К тому же у меня не было ни малейшего желания представляться: люди обычно начинали вести себя совершенно иначе, когда узнавали, что Макс — мой отец.

Балисто последовал за мной, недовольный тем, что мне не сидится на месте. Как только мы вошли в дом, он растянулся на полу в холле, охлаждая свою рыжеватую шерсть. Я перепрыгнула через него и поспешила в библиотеку, окна которой выходили на дуб с качелями. Библиотека была солидная: стены заставлены книгами от пола до потолка.

Вдоль одной из стен, за массивным столом из бразильского палисандра, Макс разместил коллекцию классических детективов, которую собирал с юности, — бесценный архив тайн и загадок: сборники криминальных историй, тома Эллери Квина в твердых обложках, антологии преступлений и интриг, подборки исследований, рассказы об убийствах, шедевры остросюжетной прозы... На полках вдоль противоположной стены выстроились словари иностранных языков — от латинского до русского, энциклопедии по символике, мировым религиям, направлениям в искусстве, а также разнообразные тезаурусы и бесчисленные биографии художников, писателей и актеров. Далее шли книги по медицине: не только учебники, но и справочники, анатомии-